

Научная специальность

12.00.02 «Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право»

УДК 340.114.3

АНАЛОГИИ В ЕСТЕСТВЕННЫХ И ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ ПРИ ОСМЫСЛЕНИИ ПОНЯТИЯ ВЛАСТИ (ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ) И ЕЕ МЕХАНИЗМА: ГЕНЕЗИС КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ ГНОСЕОЛОГИИ

© **Юрковский А. В., 2020**

Иркутский юридический институт (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, г. Иркутск, Россия

Утверждается, что современная конституционно-правовая наука, ощущая дефицит специального изучения основных особенностей концепций власти (государственной власти) и ее механизма, использует аналогии, заимствуемые из естественных наук. Рассматриваются заимствования гуманитарной наукой, предполагающие формирование новых коннотаций, интерпретирующих власть как биологический инстинкт; власть как интеллектуальное явление; государственная власть как информационную систему, обуславливающую коммуникативное бытие общества; механистичность признаков государственной власти; государственная власть как филологическую категорию, власть как юридическую конструкцию и другие подходы.

Ключевые слова: власть, государственная власть, механизм государственной власти, гносеология, онтология, аксиология, эстология, генезис, право, механизм правового регулирования, воздействие, динамический хаос, правовой порядок.

Один из вечных, будоражающих сознание мыслящих людей на протяжении нескольких тысячелетий вопрос о понятии и сущностных чертах власти (государственной власти) и ее механизма до настоящего времени исчерпывающим образом не разрешен, и в гуманитарных, социологических, политических и юридических исследованиях отсутствует единство его рассмотрения. Это можно объяснить, с одной стороны, многозначностью термина «власть», с другой стороны – обусловленностью интерпретации данного понятия различными методологическими подходами. Многозначность категории (государственной власти) и ее механизма находит выражение в различных ее характеристиках, оформленных в соответствующих словосочетаниях, которые во многом заимствованы из различных сфер знания, в том числе естествознания, и представляют собой эклектичный, порой системно не связанный набор признаков. Например, в словосочетаниях «власть народа», «власть трудящихся», «власть Советов», «потестарная власть», «власть олигархии», «президентская власть», «власть законодательная, судебная, исполнительная, централизованная, коллегияльная, реальная, виртуальная», «власть средств массовой информации», «власть интернет-пространства», «власть природы», «власть искусства» и т. д.

Истолкование категории власти (государственной власти) и ее механизма как специфической человеческой деятельности осуществляется сообществом ученых, обусловлено объективными и субъективными признаками и детерминирует широкое понимание методологии науки и ее применение. Необходимо отметить ряд проблем, таких как: обозначение способов обоснования научного исследования категории (государственной власти) и ее механизма, позволяющих придавать гипотезам статус субъективного или объективного знания; анализ критериев приемлемости, или адекватности, систем научных утверждений (научных теорий) категории (государственной власти) и ее механизма; изучение основных мировоззренческих параметров, систем категорий, типов понимания категории (государственной власти) и ее механизма, которые используются в качестве координат научного мировоззрения.

Предварительно, рассматривая категорию власти как исключительно абстрактную, проявляющуюся лишь в процессе прямого или косвенного воздействия одних людей на других, полагаем возможным постулировать онтологические проблемы формирования дефинитивного описания рассматриваемого явления, определения его сущностных признаков и последующего их охарактеризования. Для этого, чаще всего, используются способы сравнения с другими известными, схожими, но не равно-

значными феноменами, явлениями либо обстоятельствами.

Чаще всего научный интерес (эстология) рассмотрения категории власти присутствует в гуманитарном, а не естественном сегменте науки. В данном случае социальные (гуманитарные) науки о власти (кратология) принципиально отличаются от естественных наук (наук о природе).

О. А. Бурсина справедливо полагает, что техническая и естественно-математическая специальная лексика изучена и описана в научной литературе в большей мере, чем лексика общественно-гуманитарных наук. В данном контексте большинство признаков социальных явлений характеризуется учеными через уже известные естественно-научные аналогии, но всесторонний, многоаспектный сопоставительный анализ соответствующих аналогий в настоящий момент не представлен в научной литературе, хотя соответствующие исследования в этой области имеют большое методологическое значение [3, с. 92–98].

Это означает, что в рамках общей методологии науки кажется актуальной постановка вопроса об использовании естественно-научного контекста, который очень часто применяется при описании социальных явлений, в нашем случае явлений власти (государственной власти) и ее механизма, в методологии гуманитарного, юридического, конституционно-правового познания.

По нашему мнению, такая постановка вопроса способна обеспечить принцип внутреннего единства науки и единства применения научных методов как в естественных, так и в гуманитарных науках. В каждом конкретном исследовании применение аналогий из естественно-научного сегмента в гуманитарном и реже, наоборот, из гуманитарного сегмента в естественно-научном требует тщательного выявления и констатации, поскольку очевидно, что соответствующая аналогия не может быть сведена к исключительно определенным научным контекстам или применяться как безусловная, «доказанная» другими сферами научного знания.

Следует особо отметить, что соответствующие терминологические заимствования из естественных наук были известны с древнейших времен. Например, в органической теории государства в философии Платона аналогии при описании вклада какого-либо металла в людей природой [4, с. 45] или медицинские аналогии в идеях Аристотеля [2, с. 98], который сопоставлял признаки государственной власти и особенности функционирования государства с признаками и особенностями функциониро-

вания единого организма. Примечательно, что с онтологической точки зрения термины «орган государственной власти», «глава государства» и другие подобные термины заимствованы греко-римскими философами у своих коллег, занимающихся естественно-научными изысканиями.

Один из первых научных подходов, связанных с широким применением онтологических наработок естественно-научного свойства в гуманитарном сегменте науки, связан с именем Герберта Спенсера, который отмечает, что признаки власти в гуманитарных описаниях чаще всего ассоциируются с выступающими внешними признаками, а не внутренними свойствами соответствующего феномена [20].

Спенсер полагает, что государственная власть имеет органическую природу, точнее является частью природы, соразмерно эволюции человеческой цивилизации. Описывая признаки власти, Герберт Спенсер использовал естественно-научную терминологию, осуществляя аналогии с биологическими либо медицинскими явлениями, обосновывая естественно-животное проявление признаков социальной и государственной власти. Подобно животному организму, социальный организм растет и развивается путем интеграции его составных частей, усложнения его структуры, дифференциации функций и т. д. [21, с. 265–306]. В отношении недостатков гносеологических аналогий Спенсера, полагаем возможным согласиться с мнением И. И. Комиссарова, согласно которому прямая транснаучная аналогия фиксирует несоответствия между моделью и объектом исследования, порождает пренебрежение реальным историческим процессом и игнорирование факта большей жизнеустойчивости социального организма по сравнению с реальным живым существом [6, с. 320–325].

Контекстуальное описание признаков сущности социальных явлений при помощи заимствования гуманитарной наукой достижений естественных наук полагаем уместным способом научного поиска, однако прямые аналогии, перекладываемые из моделей, формируемых естественными науками, на социальные явления, нуждаются в подробной научной аргументации. В данном контексте полагаем возможным согласиться с мнением Д. А. Ловцова, который небезосновательно полагает, что как только социальные и гуманитарные науки, существенно отстающие в своем развитии от естественных наук, станут полноценными научными дисциплинами, все сказанное по поводу методов естественных наук окажется прило-

жимым к социальному и гуманитарному познанию [11, с. 12–14].

Гносеологический подход, связанный с признанием факта заимствования гуманитарной наукой достижений естественных наук, начал формироваться в XIX–XX вв. нашей эры во многом благодаря неопозитивизму, представителями которого являются такие ученые, как В. Виндельбанд, Г. Риккерт, М. Вебер, В. Дильтей и др.

По мнению В. А. Куприянова, результаты естественно-научных изысканий формируют категорию «ценностей», которые, как ни странно, наделяются метафизическими свойствами, но рассматриваются как априорные, трансцендентальные, общезначимые. Дуализм мира действительности и мира ценностей первые неопозитивисты называли «священной тайной», а науки разделяли на номотетические, имеющие дело с законами, и идеографические, изучающие единичные явления в их неповторимости [10, с. 54–68].

В конституционно-правовой науке заимствования и аналогии из естественных наук наблюдаются также с момента формирования соответствующей отрасли юридической науки.

Зарождение идей конституционализма (сам термин которого также, по нашему мнению, заимствован из естественных наук) отождествляется с доктринами договорной (естественно-правовой) теории, согласно которой народ – это суверенный феномен объективной реальности, который обладает неотчуждаемым правом на творение государственности и, как производное, на сопротивление и свержение власти, узурпирующей либо попирающей неотъемлемые естественные права и свободы человека, присущие ему от рождения.

К разряду сторонников данного научного подхода принято относить Г. Гроция, Б. Спинозу, Д. Локка, Т. Гоббса, Ж.-Ж. Руссо, П. Гольбаха, а также множество других ученых, применяющих заимствования из естественных наук в описании механистических свойств власти и аналогии применительно к принципу разделения власти. Примечательно, что даже термин «ветви власти» заимствован из биологической науки. Основной тезис доктрин договорной (естественно-правовой) теории о ценности человеческой жизни до сих пор имеет юридико-лингвистическую неопределенность, в силу отсутствия единого естественно-научного подхода к ее (жизни) пониманию.

Современный научный дискурс использует эквиваленты явлений власти (государственной власти) и ее механизма, заимствованные из новейшего достижения естественной науки,

и формирует относительно новые подходы к ее пониманию и интерпретации.

В разряде таких подходов можно рассмотреть: **власть как биологический инстинкт; власть как интеллектуальное явление; государственную власть как информационную систему, обуславливающую коммуникативное бытие общества; механистичность признаков государственной власти; государственную власть как филологическую категорию, власть как юридическую конструкцию и т. д.**

Власть как биологический инстинкт отождествляется с работами австрийского ученого, лауреата Нобелевской премии, одного из основоположников этологии, науки о поведении животных, Конрада Лоренца, который считал, что люди в полной мере унаследовали от своих предков-животных полный набор инстинктов, в частности агрессию и заботу о потомстве. Сочетание инстинктивного и выученного в поведении человека образует сложную структуру, в значительной части попросту тождественную такой же структуре у высших животных, различаясь лишь там, где в обученное поведение человека входит культурная традиция.

По мнению Джозефа Леду, Конрад Лоренц прослеживает очень интересные аналогии в поведении различных видов позвоночных и вида *Homo sapiens* [12, с. 42–51], утверждая, что агрессивность является врожденным, инстинктивно обусловленным свойством всех высших животных, и доказывая это на множестве убедительных примеров, Лоренц делает вывод: «Есть веские основания считать внутривидовую агрессию наиболее серьезной опасностью, которая грозит человечеству в современных условиях культурноисторического и технического развития». В отличие от прочих животных, у приматов инстинкты не имеют прямого управления над особью и вместо этого завуалированы [26, с. 653–676] под чувства и эмоции, которые через гормоны стимулируют мотивацию, склоняющую к конкретному действию, решению.

Гносеологический формат в конституционно-правовых исследованиях все чаще связывается с пониманием власти как интеллектуального явления.

В данном контексте, по нашему мнению, очень важный признак власти с точки зрения поведенческого биологического подхода выделил Абрахам Маслоу, который утверждал, что люди не имеют инстинктов, поскольку могут преодолеть свои желания. Он считал, что то, что описывается как «инстинкты», фактически является очень сильными мотивами для поведения определенного типа [13, с. 42–51]. По его

мнению, инстинкты были свойственны людям в прошлом, но впоследствии были заменены сознанием [25, с. 19–35].

Также гносеология конституционно-правовых исследований уже традиционно опирается на «механистические признаки власти». Согласно энциклопедическому словарю Брокгауза и Ефрона, механизм характеризуется числом степеней свободы, количеством независимых скалярных параметров, задание которых в виде функций времени однозначно определяет траектории и скорости всех точек механизма [14]. В данном случае мы можем наблюдать перечень признаков, которые очень часто используются при прямом или косвенном описании государственной власти. И одновременно следует отметить, что естественно-научные формулировки также допускают использование терминологии гуманитарного свойства, например «степени свободы, определяющие скалярные параметры», которые также опираются на их привычное, общенаучное понимание.

Механистичность описания признаков власти как аналогия, взятая из естественных наук, прослеживается в трудах таких ученых, как З. А. Зорина, Л. В. Крушинский, Л. Г. Романова, И. И. Полетаева, которые, характеризуя частную теорию Конрада Лоренца, в частности, для объяснения феномена срабатывания инстинктивных реакций в отсутствие специфического раздражителя, предложили оригинальную модель осуществления инстинктивного поведения. Модель была построена на основе принципов гидравлики и получила название «гидравлической модели Лоренца» [5].

В основе теории Николаса Тинбергена (лауреат Нобелевской премии по физиологии и медицине в 1973 г.) лежит представление о наличии функциональных центров, отвечающих за реализации инстинктивного поведения. Инстинкт, по Тинбергену, состоит из последовательности отдельных поведенческих актов. Последовательное выполнение простых двигательных актов обеспечивается благодаря наличию иерархии контролирующих их центров. Под действием внутренних и внешних факторов усиливается возбуждение центра, отвечающего за аппетентное поведение, в результате животное начинает активный поиск раздражителей. После того как стимул будет найден, снимается блок с центра, отвечающего за завершающую фазу поведения [22, с. 229].

Механистичность описания признаков власти как аналогия, взятая из естественных наук, может быть связана с кибернетическим подходом, основоположником которого принято считать Андре Ампера, французского физи-

ка и систематизатора наук, хотя само понятие кибернетики использовалось в гуманитарных науках как управленческая категория еще в Древней Греции как искусство поиска маршрута, в переносном смысле для обозначения компетенций лиц, наделенных управленческими функциями. Именно в контексте государственного управления термин «кибернетика» использовался Платоном в его работе о «Законах». Андре Ампер использовал понятие кибернетики для обозначения науки управления в его системе классификации человеческого знания.

По мнению Ампера, кибернетика – отношения народа к народу, изучаемые... предшествующими науками, лишь небольшая часть объектов, достойных внимания правительства [16, с. 188], вместе с поддержанием общественного порядка, исполнением законов, справедливым распределением и т. п. Только после всех наук, по мнению Ампера занимающихся названными объектами, следует изучать кибернетику, в широком значении понимаемую как искусство управления вообще.

По мнению Л. А. Чувашова, кибернетический контекст впоследствии нашел выражение в философских концепциях, отражающих коммуникативное бытие общества как результат интеграции и стабилизации общественных отношений и универсальный закон социального бытия, поиск единой основы согласующихся между собой смыслов, норм и ценностей социального бытия, которые находят свое адекватное выражение во взаимодействии человека, общества и государства на уровне их функционирования и саморазвития. Однако коммуникативное воздействие власти может иметь негативный оттенок, нередко отождествляясь с насилием, принуждением, несправедливостью и ограничением свободы человека, лицемерием, коррупцией и т. д. [24].

Государственная власть, в предлагаемом контексте, рассматривается как механизм созидания социальности; как созданная в процессе конституционно-правового строительства форма созидательной социальности; предполагаемая модель нормативной рациональности, которая выступает внутренним нравственным императивом, ограничивающим эгоистические проявления человека; как модель, которая ориентирует на формирование таких отношений между человеком, обществом и государством, в основе которых лежит реальная, результативная реализация прав и свобод, а государственная власть представляет собой инструмент, корректирующий эгоистические злоупотребления в системе социальных отношений.

Предложенный тезис относит государственную власть к числу важнейших человеческих ценностей и продуцирует **аксиологические методы** ее изучения.

Рассматривая власть (государственную власть), механизм государственной власти как **аксиологические категории**, можно выделить следующие подходы: с точки зрения интерпретации проблемы соотношения цели и средств государственно-властной деятельности; анализ государственно-властной деятельности как взаимосоотнесенных символических алгоритмов мышления, чувствования и поведения людей; как социально значимые действия; как организационные формы совместной, комбинированной деятельности людей; государственно-властная деятельность как политика; как фактор исторической эволюции.

Аксиологический контекст государственной власти и ее механизма, по нашему мнению, наиболее развернуто представлен впервые в трудах Генриха Риккерта, который полагал, что все феномены бытия могут быть двух видов: феномены, связанные с ценностями, и феномены, с ними не связанные (ценностно-нейтральные). Феномены, связанные с ценностями, содержащие их, Риккерт называет благами [18, с. 69–101]. В нашем случае власть (государственная власть), механизм государственной власти есть искусственно созданные ценности, фактически представляющие собой совокупность объектов социальной культуры, которые Риккерт называл благами потому, что в них заложены ценности, чтобы отличать их как ценностные части действительности от самих ценностей, реально не существующих, и от явлений природы, с ценностями не связанных [17, с. 201]. При этом Генрих Риккерт отдельно выделяет психологический контекст социальных ценностей и ценность технических изобретений, которые к наукам о духе не относятся, но для нашего исследования процитированный тезис позволяет напомнить об историческом подходе к пониманию (**историческому типу понимания**) власти, ее государственного эквивалента и механизма [19, с. 10].

В контексте аксиологического подхода, по нашему мнению, отдельно формируется исторический (эволюционный) контекст кратологии, рассматривающий **механизм государственной власти как филологическое, философское, социологическое, политологическое, психологическое, юридическое явление**.

Как **филологические категории** «государственная власть» и «механизм государственной власти» представляют собой языковые формы

выражения смыслов, ценностей и норм социального бытия.

По мнению Л. П. Крысина [8, с. 47–61], В. Г. Костомарова [7, с.73], Н. В. Хорошевой и многих других ученых, язык принадлежит к типу объектов, зависящих от окружения, а потому коррелирует с существенными для него факторами среды [23, с. 41–47].

Язык как явление ноосферы фиксирует терминологические эквиваленты власти (государственной власти), механизма государственной власти и представляет собой сложившуюся систему, совокупность лингвистических и экстралингвистических факторов развития и функционирования терминотерминосистемы социальной среды на современном этапе обуславливает ее специфику на семантическом, морфологическом и словообразовательном уровнях.

Лингвистические факторы образования филологических категорий власти (государственной власти), механизма государственной власти обусловлены лексико-семантическими отношениями, содержательно-языковой и формально-языковой связностью, иерархическими системными отношениями между рассматриваемыми терминологическими единицами и обуславливают их.

Экстралингвистические факторы образования филологических категорий власти (государственной власти), механизма государственной власти имеют междисциплинарный, интегративный характер теории и практики соответствующих социальных связей, принадлежность к группе общественно-гуманитарных наук, определяют повышенный интерес в современном обществе к рассматриваемым феноменам, их антропонаправленность.

Социальная, гуманитарная направленность терминотерминосистемы категорий власти (государственной власти), механизма государственной власти обнаруживают свое присутствие в позитивном праве и механизме правового регулирования, проявляясь в юридической технике в качестве юридических конструкций, которые позволяют в процессе терминологизации привлекать лексемы и словосочетания из языка для характеристики различных эквивалентов, описываемых явлений.

Генезис конституционно-правовой гносеологии юридических категорий власти (государственной власти), механизма государственной власти имеет сугубо междисциплинарный характер и предполагает привлечение огромного количества терминов из других областей знания в процессе транстерминологизации.

Формирование и обретение специфики регулярных формально-структурных моделей

терминологических единиц категорий власти (государственной власти), механизма государственной власти носит преимущественно номинативный характер (служащий для названия, обозначения (предметов, явлений, качеств, действий)) и отвечает требованиям в каждом конкретном случае привлечения аналогий из определенных областей знания и соответствующих терминосистем.

В различные периоды развития юридической, конституционно-правовой науки различные научные школы привлекали различающиеся, но тем не менее заимствованные из различных направлений естественных наук эквиваленты признаков категорий власти (государственной власти), механизма государственной власти.

Т. К. Алябьева выделяет 47 подходов к пониманию государства, его механизма, сложившихся в сегменте современной гуманитарной науки [1, с. 3–4], которые отражают как современное, так и традиционное понимание наиболее дискуссионных вопросов теории государства и права, истории политических учений, науки конституционного права, философии политики, политологии и социологии.

Выделяемые научные подходы связаны с обобщением эмпирических материалов и обобщают исторический и современный опыт государственного и конституционно-правового строительства.

Естественно-научные аналогии признаков власти чаще всего связаны с механистическими признаками ее структуры и функционирования.

По нашему мнению, любые мировоззренческие подходы к пониманию власти (государственной власти) и ее механизма, будь то диалектические или метафизические, про- или антиэтицистские, основаны на гносеологических возможностях познания объективной реальности человеком, которые определяют структуру познавательной деятельности, образуют формы знания об окружающей действительности, формируют параметры и критерии объективности и достоверности знания, его свойства и познавательные пределы. Если говорить о предварительной гипотезе детерминант появления феноменологии власти, то, по нашему мнению, они связаны с осознанием человека потребности в определенном волевом (властном) упорядочении общественных отношений, которая была напрямую связана с одновременным пониманием вредоносности хаоса в нелинейных, межличностных социальных отношениях.

Для обоснования предложенной гипотезы полагаем возможным сослаться на мнение С. П. Кузнецова, согласно которому динами-

ческий хаос – явление в теории динамических систем, при котором поведение нелинейной системы выглядит случайным, несмотря на то, что оно определяется детерминистическими законами. В качестве синонима часто используют название «детерминированный хаос»; оба термина полностью равнозначны и используются для указания на существенное отличие хаоса как предмета научного изучения в синергетике от хаоса в обыденном понимании. Причиной появления хаоса является неустойчивость (чувствительность) по отношению к начальным условиям и параметрам: малое изменение начального условия со временем приводит к сколь угодно большим изменениям динамики системы [9, с. 27–40].

Устанавливаемый государственной властью, ее механизмом посредством права, правового регулирования и его механизма определенный правовой порядок, по нашему мнению, представляет собой ответную реакцию человеческого сознания на вредные или опасные последствия не урегулированных посредством применения волевого воздействия определенных социальных отношений, с целью формирования предполагаемой управляемой динамики, в противопоставление динамике хаотичной, в кажущемся (субъективно воспринимаемом различными акторами социальных отношений) хаосе нелинейных систем.

Согласно убедительному высказыванию Р. Р. Мухина, динамику, которая чувствительна к малейшим изменениям начальных условий системы, из которых начинается ее развитие, изменение и в которой эти малейшие отклонения со временем многократно приумножаются, затрудняя предсказание будущих состояний системы, часто и называют хаотичной в прямом смысле [15, с. 108].

В данном сегменте исследования не затронут один из важнейших вопросов власти – о детерминантах, опосредующих феноменологию силы отдельных акторов социальных отношений и их способностей оказывать результативное влияние на других участников общественных отношений, посредством которого последние подчиняются первым и своими действиями устанавливают относительно стабильный, предполагаемый управляющими субъектами определенный порядок, антипод динамического хаоса.

Однако, по нашему мнению, свойства предполагаемого порядка зависят от субъективных мировоззренческих позиций управляющих субъектов, которые эволюционируют с генезисом человеческой цивилизации. Таким образом, эволюционируют и способы приме-

нения власти и ее механизма, который экспериментальным способом применяется в самых разных видах социумов, создавая отдельные, различающиеся концепции и интерпретации власти и ее механизма, средств, приемов и способов его использования, критериев эффективности, результативности, справедливости, обоснованности, целесообразности применения.

В результате проведенного исследования установлено, что каждый конкретный уникальный результат применения государственной власти, подтвердивший свою историческую состоятельность, так или иначе, нашел свое формальное определение в памятниках права, обеспечивающих в соответствующих исторических условиях надлежащую работу механизма правового регулирования. В названных формах права специфические, прямые либо косвенные признаки государственной власти находили и по сей день находят свое выражение и интерпретацию в виде юрико-технических конструкций.

Полагаем возможным выделить наиболее часто используемые эквиваленты понятия государственной власти как юрико-технической конструкции, используемой в процессе конституционно-правового регулирования и в качестве объекта исследования конституционно-правовой науки.

На основе обобщенного эмпирического материала выявлены аналогии в естественных и гуманитарных науках, при осмыслении понятия власти (государственной власти) и ее механизма, которые предназначены для приведения следующих характеристик рассматриваемого объекта: как естественного права; как признака государства; как средства осуществления функций государства; как совокупности (системы) волевых отношений (властеотношений) между властвующими и подвластными субъектами; как совокупности взаимосвязанных и взаимозависимых средств и ресурсов, обеспечивающих способность властвующих субъектов навязывать свою волю подвластным субъектам; как обусловленной природными и биологическими факторами, но волевым способом ограничиваемой организованной силы, способной подчинять себе волю подвластных субъектов; как средства управления, связанного с принуждением; как совокупности элементов, воздействующих на поведение нелинейной системы, хаотично действующих субъектов; как совокупности элементов, формирующих не случайные, но прогнозируемые модели функционирования нелинейных систем; как драйверов детерминант изменения социальных систем.

Тем не менее, полагаем, что к современному периоду развития конституционно-правовой науки, категории власти (государственной власти) и ее механизма, содержащиеся в позитивном конституционном праве в виде юридических конструкций, содержат значительные признаки юрико-технической неопределенности.

В данном контексте полагаем, что конституционно-правовая, гуманитарная и естественная науки должны объединить усилия по выявлению, описанию признаков власти, с целью их последующей формализации, которая, в свою очередь, по нашему мнению, может оказать существенную пользу в упрощении предсказания будущих состояний социальных систем, установлении торжества права справедливости, правового закона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алябьева Т. К. Теория и общественная практика происхождения государства: курс лекций. М.: Изд-во МГОУ, 2012. 555 с.
2. Аристотель. Сочинения. В 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. 832 с.
3. Бурсина О. А. Специфика терминосистем социально-гуманитарных и естественно-математических наук // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. Серия: Филология. 2010. Т. 1, № 1. С. 92–98.
4. Единство платоновского «Государства» / Философский факультет МГУ имени М.В. Ломоносова. М.: Издатель Воробьев А.В., 2016. 452 с.
5. Основные положения концепции Лоренца / З. А. Зорина, Л. В. Крушинский, Л. Г. Романова, И. И. Полетаева // Крушинский Л. В., Зорина З. А., Полетаева И. И., Романова Л. Г. Введение в этологию и генетику. М.: Изд-во МГУ. С. 2255. URL: <http://ethology.ru/library/?id=120> (дата обращения: 27.04.2020).
6. Комиссаров И. И. Органицистская модель Г. Спенсера: актуальность подхода // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 6(69). С. 320–325.
7. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи: из наблюдений за речевой практикой масс-медиа. 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Златоуст, 1999. 280 с.
8. Крысин Л. П. Социальный контекст функционирования современного русского языка // Язык в контексте общественного развития / под ред. В. М. Солнцева, В. Ю. Михальченко. М.: Ин-т языкознания РАН, 1994. С. 47–61.
9. Кузнецов С. П. Динамический хаос: курс лекций. М.: Физматлит, 2001. 292 с.
10. Куприянов В. А. Реабилитация телеологии в философии баденского неокантианства (рус.) // Философия и культура: журнал. Aurora Group, s.r.o, 2017. Т. 11, № 11. С. 54–68.
11. Ловцов Д. А. Концептуально-логическое моделирование юридического понятия «тайна» // Информационное право. 2009. № 2. С. 12–14.
12. Лоренс К. Эволюция ритуала в биологической и культурной сферах // Природа: журнал. 1969. № 11. С. 42–51.
13. Лоренц К. З. Агрессия (так называемое «зло»). СПб.: Амфора, 2001. 349 с.

14. Механизм // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890–1907.
15. Мухин Р. Р. Очерки по истории динамического хаоса: Исследования в СССР в 1950-1980-е годы. 2-е изд. М. : УРСС, 2012. 320 с.
16. Кибернетика ожидаемая и кибернетика неожиданная / сост. Пекелис В. Д. М. : Наука, 1968. 311 с.
17. Риккерт Г. Границы естественнонаучного образования понятий: Логическое введение в исторические науки / вступ. ст. Б. В. Маркова. СПб. : Наука, 1997. 532 с.
18. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. СПб., 1911 // Культурология XX век. Антология. М., 1995. С. 69–101.
19. Риккерт Г. Ценности жизни и культурные ценности // ЭОН. Альманах старой и новой культуры. Вып. 1. М., 1994. С. 10–36.
20. Спенсер Г. Личность и государство / пер. с англ. М. Н. Тимофеевой под редакцией В. В. Битнера. СПб. : Вестник Знания, 1908. 84 с. URL: http://econlibrary.ru/books/90/79/spencer_person%20and%20state.html (дата обращения: 03.05.2020).
21. Спенсер Г. Опыты научные, политические и философские. Минск : Современный литератор, 1999. С. 265–306.
22. Тинберген Н. Осы, птицы, люди – Curious naturalists / пер. с англ. И. Гуровой ; под ред. и с послесл. Е. Панова. М. : Мир, 1970. 336 с.
23. Хорошева Н. В. Экстралингвистические факторы арготизации (жаргонизации) разговорной речи: структура и динамика // Вестник Пермского университета. 2014. Вып. 4(28). С. 41–47.
24. Чувашов Л. А. Феномен государственной власти в контексте социальной коммуникации : дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. Челябинск, 2012. 178 с.
25. Abraham H. Maslow. Motivation and Personality Chapter 4, Instinct Theory Reexamined. Reprinted from the English Edition by Harper & Row, Publishers 1954. 369 с.
26. Joseph LeDoux. Rethinking the Emotional Brain (En). 2012. Февраль (т. 73). С. 653–676.
9. Kuznetsov S.P. *Dinamicheskii khaos (kurs lektsiy)*. Moscow, Fizmatlit Publ., 2001. (in Russian)
10. Kupriyanov V. A. Reabilitatsiya teleologii v filosofii badenskogo neokantianstva (rus.). *Filosofiya i kul'tura: zhurnal. Aurora Group, s.r.o.*, 2017, vol. 11, no. 11, pp. 54–68. (in Russian)
11. Lovtsov D.A. Kontseptualno-logicheskoye modelirovaniye yuridicheskogo ponyatiya "tayna". *Informatsionnoye pravo*, 2009, no. 2, pp. 12–14 (in Russian)
12. Lorens K. Evolyutsiya rituala v biologicheskoy i kul'turnoy sferakh. *Priroda: zhurnal*, 1969, no. 11, pp. 4251. (in Russian)
13. Lorents K.Z. *Agressiya (tak nazyvayemoye "zlo"*. Saint-Petersburg, Amfora Publ., 2001, 349 p. (in Russian)
14. *Mekhanizm: Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Yefrona*. In 86 vols. St. Petersburg, 1890–1907. (in Russian)
15. Mukhin R.R. Ocherki po istorii dinamicheskogo khaosa: Issledovaniya v SSSR v 1950–1980–ye gody. 2nd ed. Moscow, URSS Publ., 2012, 320 p. (in Russian)
16. Pekelis V.D. *Kibernetika ozhidayemaya i kibernetika neozhidannaya*, Moscow, Nauka Publ., 1968, 311 p. (in Russian)
17. Rikkert G. *Granitsy yestestvennonauchnogo obrazovaniya ponyatiy: Logicheskoe vvedenie v istoricheskie nauki*. Saint-Peterburg, Nauka Publ., 1997, 532 p.
18. Rikkert G. *Nauki o prirode i nauki o kulture*. Saint-Petersburg, 1911. (in Russian)
19. Rikkert G. *Tsennosti zhizni i kulturnyye tsennosti. EON. Almanakh staroy i novoy kul'tury*. Iss.1. Moscow, 1994, pp. 10–26. (in Russian)
20. Spenser G. *Lichnost i gosudarstvo*. Saint Petersburg, Vestnik Znaniya Publ., 1908. Available at: http://econlibrary.ru/books/90/79/spencer_person%20and%20state.html (data access: 03.05.2020). (in Russian)
21. Spenser G. *Opyty nauchnyye, politicheskoye i filosofskoye*. Minsk, Sovremennyy literator Publ., 1999. PP. 265–306. (in Russian)
22. Tinbergen N. *Osy, ptitsy, lyudi = Curious naturalists*. Moscow, Mir Publ., 1970, 336 p. (in Russian)
23. Khorosheva N.V. *Ekstralingvistikicheskiye faktory argotizatsii (zharгонизации) razgovornoy rechi: struktura i dinamika*. *Vestnik permskogo universiteta*, 2014, no. 4(28), pp. 41–47. (in Russian)
24. Chuvashov L.A. *Fenomen gosudarstvennoy vlasti v kontekste sotsialnoy kommunikatsii*. Diss. Sci. Chelyabinsk, 2012. 178 p. (in Russian)
25. Abraham H. Maslow. *Motivation and Personality Chapter 4, Instinct Theory Reexamined*. Reprinted from the English Edition by Harper & Row, Publishers, 1954.
26. Joseph LeDoux. *Rethinking the Emotional Brain (En)*. 2012. Fevral (мщд. 73). p. 653–676. (in English)

REFERENCES

1. Alyab'yeva, T. K. *Teoriya i obshchestvennaya praktika proiskhozhdeniya gosudarstva: kurs lektsiy*. Moscow: Izd-vo MSU, 2012, 555 p.
2. Aristotel. *Sochineniya*. In 4 vols. Vol. 4. Moscow, Mysl Publ., 1983, 832 p. (in Russian)
3. Bursina O.A. Spetsifika terminosistem sotsial'no-gumanitarnykh i yestestvenno-matematicheskikh nauk. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A.S. Pushkina. Series Filologiya*, 2010, vol. 1, no. 1, pp. 92–98. (in Russian)
4. *Yedinstvo platonovskogo "Gosudarstva"*. Moscow, Vorobiyev A.V. Publ., 2016, 452 p. (in Russian)
5. Zorina Z.A., Krushinskiy L.V., Romanova L.G., Poletayeva I.I. *Osnovnyye polozheniya kontseptsii Lorentsa*. p. 22–55. Available at: <http://ethology.ru/library/?id=120> (data of access: 27.04.2020). (in Russian)
6. Komissarov I.I. Organitsistskaya model G. Spensera: aktualnost podkhoda. *Uchenyye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta*. Series Gumanitarnyye i sotsialnyye nauki, 2015, no. 6(69), pp. 320–325. (in Russian)
7. Kostomarov V.G. *Yazykovoy vkus epokhi: iz nablyudeniy za rechevoy praktikoy mass-media*. Saint-Petersburg, Zlatoust Publ., 1999, 280 p. (in Russian)
8. Krysin L.P. *Sotsialnyy kontekst funktsionirovaniya sovremennogo russkogo yazyka*. Moscow, In-t yazykoznaniya RAN Publ., 1994, pp. 47–61. (in Russian)

Analogies in the Natural Sciences and the Humanities, in Understanding the Concept of Power (State Power) and its Mechanism: the Genesis of Constitutional Legal Epistemology

© YURKOVSKIY A. V., 2020

Modern constitutional and legal science, feeling the lack of a special study of the main features of the concepts of power (state power) and its mechanism, uses analogies borrowed from the natural sciences. The proposed publication addresses borrowings by the humanities, suggesting the formation of new connotations that interpret power as a biological instinct; power as an intellectual phenomenon; state power as an information system that determines the communicative being of society; mechanistic features of state power; state power as a philological category, power as a legal construct and other approaches.

Keywords: power, state power, mechanism of state power, epistemology, ontology, axiology, estology, genesis, law, legal regulation mechanism, impact, dynamic chaos, legal order.